

ДИАЛОГ НЕФОРМАТ

Игорь Крутой

ПРОЕКТ

Александра

ОЛЕШКО

В ЧЕМ СЕКРЕТ УСПЕХА? ЕСТЬ ЛИ ОН? Я ТОЖЕ ЗАДАВАЛСЯ ЭТИМ ВОПРОСОМ. ПРОСТОГО ОТВЕТА НЕТ, НО ЕСЛИ С САМОГО НАЧАЛА – НУЖНО ПРАВИЛЬНО МЕЧТАТЬ. ДА, ДА! НЕ ВООБЩЕ О СЧАСТЬЕ ИЛИ МЕШКЕ ДЕНЕГ... НЕ О ЧЕМ-ТО СРЕДНЕАРИФМЕТИЧЕСКОМ...

В детстве я просил небо: «Господи, дай мне, пожалуйста, оказаться рядом с теми, кто творит, чувствует и живет по-другому. Дай возможность видеть, слышать не только результат творчества, но и процесс». Читая в чьих-то мемуарах строчки: «Я приехал к ним ночью. Они сыграли мне на рояле. Показали песню или макет, или костюм и т. д.», в общем, страшно завидовал, мне хотелось того же. Прошло время. Удивительные встречи мне дарит жизнь. Неоднократно у самых разных исключительно талантливых людей я бывал в гостях и часто ночью видел, как рождается песня, номер, спектакль. Восемь лет назад после концерта ко мне подошла женщина и сказала очень теплые и добрые слова в мой адрес. От случайных свидетелей нашей встречи я услышал: «Ну ты Крутой! Ну у тебя и знакомства!» Я и не знал, что эта прекрасная женщина – мама того самого Великого и Могучего. В прямом смысле этого слова Крутого. Игоря! А еще мама теплой и душевной, очень красивой телевизионной ведущей Америки и Украины Аллы Крутой. С той поры Светлана Семеновна стала моим добрым другом. За все эти годы я ни разу не воспользовался Крутым знакомством, пока судьба два года назад мне не подарила личную встречу с Крутым. Вот такая вот Крутая встреча, вот такой Крутой вираж, короче, пора себя остановить. Крутое интервью перед вами.

Вопрос, который может показаться странным. Во всех интервью, во всех встречах, естественно, обыгрывается ваша фамилия, какой вы крутой композитор, какой вы крутой человек и так далее, и тому подобное. А вам никогда не хотелось поменять фамилию?

До музучилища хотел, я где-то даже стеснялся этой фамилии.

Почему стеснялись?

Ну, были дразнилки всякие, связанные с фамилией, но потом как-то перестал стесняться. И потом я был достаточно общительным, потому этот оттенок смысловой в фамилии еще и к этому относился. И почему-то в какой-то момент просто перестал стесняться фамилии. Хотя, например, пацаном я пошел записываться в футбольную секцию и записался на мамину фамилию Першогоуба.

До такой степени стеснялись?

В общем, да. Уже потом, когда раскрутилась песня «Мадонна», и в это же время слово «крутой» вошло в обиход с определенным смыслом, конечно, сам Бог велел...

Опереться на такую фамилию.

Именно так, опереться и немножечко ей соответствовать.

Я вам хочу сказать спасибо за поддержку на проекте «Две звезды».

Да там не было никакой особой поддержки...

Нет, нет. Не согласен. Была. Чего стоит хотя бы ваша фраза: «Я готов записаться в фан-клуб Олешко».

Я и сейчас от своих слов не отказываюсь. Для меня это было настоящее открытие артиста.

Вот и за это вам большое спасибо. Вы, кстати, заметили, что хорошие слова перестали звучать в принципе?

В общем, да, время такое, к сожалению.

Но ведь вы их говорите.

Но я нормальный человек.

Тем и ценнее слышать простые человеческие слова и особенно от тех, кто находится где-то «наверху». Они, наверное, считают, что эти слова не долетают, или их не нужно произносить, а вы их произносите. Дело даже не только в отношении меня и моего творчества.

Слушайте, я вот сейчас подумал: вы говорите про себя: «Я нормальный человек». Но в шоу-бизнесе так много ненормальных – вам приходится с ними сосуществовать, взаимодействовать, контактировать. Вам это все зачем? Ведь вы можете давно спокойно лежать на красивом диване, слушать музыку, ничего не делать и наслаждаться жизнью.

Ну и что это за жизнь?

А те люди, которые очень сильно хотят лежать на диване, думают: «Что это за жизнь? Зачем ему эти перелеты, нервы, волнения, ответственность невероятная, бесконечная работа?»

Они просто на мою жизнь смотрят с другой точки зрения. Воспринимают плоско. В лоб.

А вы какой?

А я другой, я в моей музыке.

Если бы вы писали какую-нибудь мелодию или музыкальное произведение о своей жизни, что бы это было? Это была бы песня?

Она уже написана. Была такая инструментальная у меня композиция – «Когда я закрываю глаза». Вот там было все.

Вы живете так активно потому, что не можете жить без творчества, или по какой-то инерции?

Я, конечно же, не могу без этого жить, и ничто так не радует меня в жизни, как творчество. Даже продюсерские проекты. Я очень трогательно к ним отношусь, но никакой успешный продюсерский проект меня не приведет в такое радостное возбуждение, как, например, удачная творческая история записи или удачный концерт, или альбом, или трек.

С точки зрения обычного среднестатистического жителя земли вы глубоко нездоровы.

Может быть, я болен, но меньше всего в этом тщеславия. А может быть, и отчасти то, что я увидел в общении с Иосифом Кобзоном. Я как-то ему

сказал: «Иосиф Давыдович, ну не так вы себя сейчас чувствуете. Может быть, вам с внуками поиграть и кайфонуть, и силы сохранить как-то?» А он говорит: «Нет. И тебе не советую». И вдруг на 60-летию у Григория Суркиса в Киеве (это президент федерации футбола) я вдруг натолкнулся на совершенно потусторонний взгляд Кобзона. Он сидел так, будто и не находился здесь. У меня прямо все внутри сжалось. Это был взгляд человека, который здесь не живет. И тут его объявили. На сцену вышел Его Величество артист – уже совершенно другой Кобзон. От него в зал шло излучение. Он сказал тост, спел две песни – и весь зрительный зал преобразился. Они подпитывали друг друга – артист и зритель. Я не могу сказать, что я подпитываюсь от зала, хотя, конечно, на удачных концертах присутствует некий кураж, который заряжает энергией. Наверное, просто я люблю заниматься любимым делом, а любимое дело для меня – это творчество.

Драматический артист, независимо от какой-то своей внутренней боли или радости, самочувствия, желания или нежелания должен в 7 часов вечера выйти на сцену и сыграть спектакль. Зачастую зритель не догадывается, что происходит в жизни актера. А композитор зависит от настроения, внешнего воздействия?..

Конечно, конечно.

А можно ли сыграть концерт или писать музыку, что называется, на профессионализме, с «холодным носом»?

Ну, такая и музыка получается.

Жестко.

Ну, можно писать, руководствуясь профессионализмом, да. Такой суперпрофессионал, как Тухманов, говорил: «Я не понимаю, что такое вдохновение. Мне надо – я сел и пишу». Но он суперпрофессионал. А для всех остальных, наверное, то, что происходит внутри тебя в момент, когда ты садишься и открываешь крышку рояля, элемент вдохновения необходим. А если в тот момент в жизни происходят события не столь радостные или, наоборот, совсем уж радостные, наверное, от этого зависит желание написать на те или иные стихи и разного характера музыку, которая соответствует этому периоду жизни.

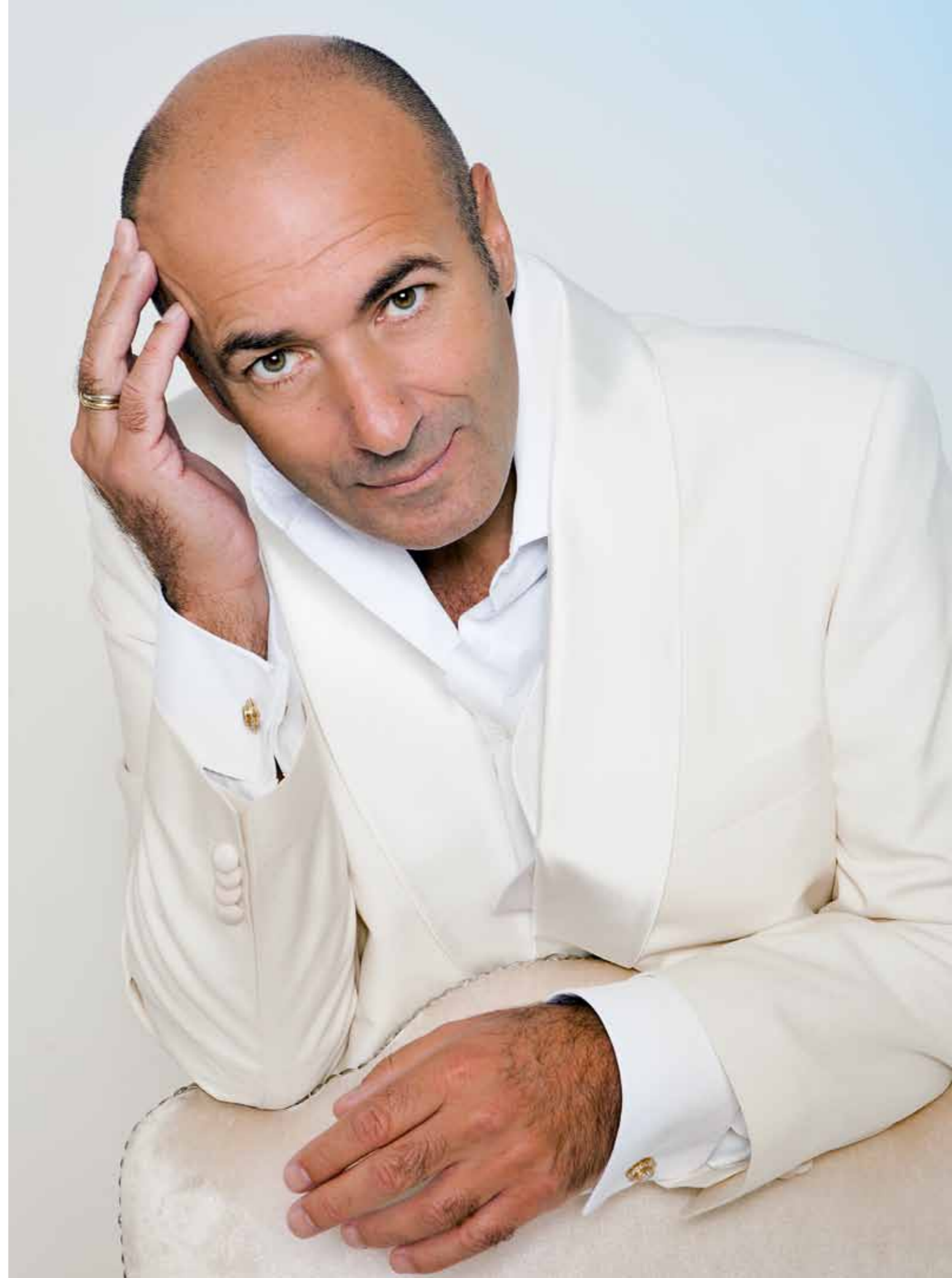
Есть ли у композитора понятие «писать в стол»? Например, как у поэта?

Я пишу.

И где живут эти мелодии? Вы их записываете?

Да. Я их записываю «под рояль» в нотах. И потом они всплывают неожиданно...

Вы сделали такую огромную потрясающую историю с Дмитрием Хворостовским. Подняли такую неподъемную машину. Я смотрел, как и тысячи зрителей, не отрываясь. Кремль был переполнен, люди в восторге... И вот вы все это дело отодвигаете в сторону или, скажем так, перелистываете страницу и приступаете сразу к еще более грандиозной истории, которая на первый взгляд выглядит легко и грациозно, и зовут

ее Лара Фабиан и новый музыкальный спектакль на вашу музыку «Мадемуазель Живаго».

Я всегда относился к творчеству Лары Фабиан очень хорошо. Иногда сидел и думал: «А я бы написал по-другому именно для нее». Потом волею судьбы лет 10 назад я познакомился с ее продюсером с русской фамилией Афанасьев. Это было совершенно случайно в Нью-Йорке, в ресторане. Меня, кстати, всегда интересовало – когда я слушал альбомы Мэрайя Кэри, Уитни Хьюстон – что это за русская фамилия там маленькими буквами написана? И вдруг официанты ко мне подходят и говорят: «А вон там ужинает Уолтер Афанасьев». Одновременно с этим другие официанты говорят ему: «А вон там известный русский композитор». Но мы не были представлены. Я сидел с женой и дочкой, а он сидел с девушкой. И вот когда мы стали выходить, он поднялся мне навстречу, и сказал: «Я слышал, вы композитор? Но я не знаком с вашим творчеством». Я говорю: «Ну а я с вашим знаком». Мы начали общаться и даже перезваниваться. Он, конечно, особенный человек: был продюсером Селин Дион и записи саундтрека к «Титанику».

А что значит «он особенный человек»?

Когда он сделал диск Лары Фабиан, спродюсировал ее «Адажио» и написал, по-моему, 4 или 5 треков в тот альбом, я понял, что он мощнейший композитор и продюсер.

Понял, давайте вернемся к тому моменту, когда вы начали перезваниваться.

Мы говорили на общие темы, не конкретно о Ларе Фабиан...

Когда же вы с ней, собственно, познакомились?

На первый концерт я пошел в период четвертой «Фабрики звезд». Предложил Игорю Николаеву: «Давай пойдем в Дом музыки послушаем Лару Фабиан». Мы пошли, и концерт ее меня поразил. Практически не было никакого оркестра: был рояль, была гитара и было какое-то сумасшедшее свечение от нее... Ну сумасшедшее просто. Она

выходила на сцену, начинала петь, и со второй ноты возникала магия. После этого я старался посещать ее концерты каждый раз, когда она приезжала в Москву. Как-то ко мне подошел устроитель ее концертов Андрей Агапов и говорит: «А ты бы не хотел зайти к ней?» Я говорю: «Ну, давай зайдю». И мы зашли.

Неплохо вы зашли.

Да. Я вручил ей цветы, сказал, что мне ее творчество очень нравится. Кстати, я показывал ей рабочие записи с Хворостовским, когда еще проект не был закончен. Она спросила: «Вы хотите, чтобы я спела дуэтом?» Я ответил: «Не знаю». И тогда она предложила: «Напишите для меня что-то специальное и отправьте мне». Я написал для нее две темы, и к очередному приезду в Москву (в Театре оперетты у нее были концерты) она написала стихи и исполнила уже под мой аккомпанемент два трека.

Эти концерты почтила своим вниманием Первая Леди Светлана Владимировна Медведева. А я, благодаря одной из ваших композиций «Колыбельная», вдохновленный уже через пять дней записывал в студии свою колыбельную.

Ну вот видишь, значит, все это не зря. Мы с Фабиан после тех концертов начали тесно общаться и сотрудничать, и все это пришло к целому альбому. Уже больше года я живу этим проектом.

Это для вас работа? Новая страница? Новый виток?

Для меня это школа! Она же не просто намеревается спеть свой трек и ограничиться этим. Ее участие в аранжировке, в музыке, ее работа над записью – это, конечно, настоящее счастье для любого композитора.

В общем, жертва шоу-бизнеса Дмитрий Хворостовский.

Абсолютно точно. Кстати, с Ларой Фабиан был незабываемый момент, когда она впервые спела мою песню и записала в студии. Это все туда же – в счастливые минуты. Еще был момент в процессе этого проекта, который я тоже не смогу забыть, когда Юра Башмет

пришел записывать соло в нашу с Ларой песню. В общем, я прожил и, главное, продолжаю проживать очень счастливые минуты в творчестве. Дай Бог, они еще будут.

Параллельно с проектом Лары Фабиан вы в состоянии писать эстрадную музыку сейчас? Вы продолжаете?

Я сделал трек с Алсу. Сейчас он встанет в ротацию. Я сделал романс для Филиппа Киркорова «Мы нелепо разошлись».

Вы сказали, что была ситуация с Фабиан, когда вам предложили: «А не хочешь ли ты зайти?» А было ли в вашей жизни, наоборот, когда к вам кто-то приходил или вас просили: «Игорь Яковлевич, примите человека, вот он хочет посотрудничать»? Всевозможные ходки, скажем, авторы, стучащи-

«МАДЕМУАЗЕЛЬ ЖИВАГО»

Это шоу представляет собой музыкальный фильм, который состоит из 12 клипов-песен, объединенных общей темой. Музыка для проекта написал Игорь Крутой, а Лара Фабиан создала 11 песен на английском, французском, испанском и итальянском языках. Экранизировал весь материал клипмейкер Алан Бадоев. По его замыслу действие киноновеллы происходит и в XIX веке, и во времена Второй мировой войны, и в наше время. А главной героине, которую играет Лара Фабиан, предстоит оказаться под пулями в «горячей точке», в концертном зале, захваченном террористами, в фашистском концлагере и даже в фантастическом мире далекого будущего.

Такое же счастье вы испытывали с каким-нибудь исполнителем отечественным когда-нибудь, певцом, певицей?

Конечно же, я прожил много счастливых минут. Так было, когда жизнь из черно-белого кино превратилась в цветное. Когда раскрутилась песня «Мадонна» и Александр Серов в одночасье стал собирать стадионы всего с тремя-четырьмя песнями: «Как быть?», «Ты меня любишь», «Я люблю тебя до слез». Конечно, это был момент полета для меня.

Вы сказали, что счастливых минут было много.

Когда впервые мою песню записала Пугачева – это тоже было счастье, потому что она редко брала неизвестных авторов. Это был тот случай, когда она сама обратилась ко мне и попросила, чтобы я приехал к ней домой и показал новый материал.

Это правда, что когда вы к ней приехали и представились: «Здравствуйте, я Крутой», – она вам сказала: «Это я крутая»?

С этим трудно было не согласиться. В процессе работы в студии, когда Пугачева записывала «Любовь, похожую на сон», было ощущение, словно на всю ситуацию я смотрел как бы со стороны или во сне. Она молча несколько раз прослушала музыкальную фонограмму, словно проговаривая что-то внутри себя, а потом встала к микрофону и записала песню с одного дубля.

Как было с Хворостовским, ведь он не эстрадный исполнитель?

Дима записал первые 3 трека, которые его потом насмерть испугали. Он сказал, что потеряет всю свою публику, если с этим выйдет на сцену. А потом звонил и говорил: «Нет, давай продолжать работать. Я уже не могу без этого жить, я уже отравился всем этим».

еся к вам в дверь – вы с ними как-то выходите на связь? Бывали случаи, когда обычный человек предлагал вам написать стихи на мелодию? Бывали такие истории?

Мало того, она известна, эта история. Это связано с песней «Любовь, похожая на сон». Никто из поэтов, с которыми я работал, не мог

написать стихи на эту музыку. И меня случайно познакомили с никому не известной девочкой, которая и написала слова. Это был ее первый и последний хит, но она написала его.

А кто эта девочка?

Валерия Горбачева. Меня подвели просто к ней, и я сказал: «Давайте я вам дам музыку, попробуйте написать и позвоните по этому телефону». Через 3 дня она позвонила, продиктовала стихи. А уже через 4 дня я репетировал с Пугачевой эту песню.

Продолжите фразу: «Моя жизнь – это...»

Это такое переплетение счастливого и трагического, и все это на грани какой-то тонкой... Но это жизнь, и она мне приносит колоссальное удовлетворение.

Так было всегда?

Вкус жизни и все ее прелести, безусловно, сейчас я чувствую ярче и острее. У меня была сложнейшая операция десять лет назад, после которой жизнь поделилась на два периода «до» и «после». Еще и лавина всяческих неприятностей, из которых тоже нужно было выйти живым и достойно... Поэтому я научился радоваться каждому году, месяцу, неделе, дню, часу.

Бывает, что вы просыпаетесь в своем доме здесь в Москве или в своей квартире в Нью-Йорке, или в Монако, неважно где, с ощущениями или со словами, которые вы сами себе говорите, например: «Ни фиги себе, как это в моей жизни все произошло?» Вот вы этому продолжаете удивляться? Или, не знаю, просматривая какой-нибудь фотоальбом с детскими фотографиями, думаете: «А ведь мог ли я тогда думать, что так все получится?» Я не имею в виду даже благополучие материальное, вот эту красоту вокруг вас, а вообще жизнь такую наполненную, с такими возможностями?

Нет, я не предполагал. Я не предполагал, когда впервые появился в Москве. Да, я заболел этим городом, я влюбился в него, и я понимал, что здесь надо становиться кем-то, и что это очень трудно. Но я не мог предполагать, что я здесь стану тем, кем стал. Но жизнь по-своему раскладывает. Может быть, отчасти, я уже говорил это в других интервью, со мной на курсах или возле меня учились ребята, не менее способные, а биография сложилась у меня. Думаю, зависит еще и от того, как звезды сошлись. Конечно же, когда просматриваешь цепь всех случайностей, которые произошли в жизни: там познакомился с этим, записался с этим, попал сюда – вся эта цепь случайностей в итоге складывается в какую-то закономерность. Но понятно, что это кем-то predetermined было. А соответствовать всему этому, соответствовать фамилии и соответствовать известности надо, потому что цена композитора равна стоимости его последней песни, именно последней. И от того, что ты написал когда-то целый цикл хороших известных песен и начал писать не очень хорошую музыку...

Фигню?

Ну, можно и так сказать. В этом случае, конечно, лучше останавливаться. Но вовремя никто не останавливался, потому что все теряют эту точку, когда надо уйти. А точка эта была найдена только Магомаевым. Ни в коем случае я не сравниваю себя с ним, но вот человек просто сказал, будучи в зените славы: «Нет. Больше не буду. Нечего больше сказать, нечего». Хотя мог бы много лет еще петь на радость людям. И, кстати, зарабатывать, что тоже немаловажно.

К вам обращаются люди за советом или за помощью?

Пишу ли я для них?

Да.

Ну, понятно, близкие люди обращаются, чтобы я послушал, – и я могу послушать. Но писать, если это не вызывает у меня никаких эмоций, я не буду. И помогать буду, но очень осторожно. В какой-то момент я понял, что хочу дружить с тем, с кем хочу; писать для того, для кого хочу, кто мне интересен; общаться с тем, с кем хочу.

Это можно назвать счастьем?

Да, да. Мне не надо зарабатывать на это. Мне не надо насиловать себя. Пусть это ощущение запоздало, я это осознал не так уж и давно. Но сам факт этого ощущения уже приносит счастье.

Детям своим вы какой-нибудь совет или мудрость передавали? Посадили так в кресло и сказали: «Послушай меня. Делай так, как ты считаешь нужным, но вот об этом не забывай».

Конечно же. Были моменты, когда я на танке въезжал в их жизнь. Был момент, когда въезжал на велосипеде, но не въезжать я не могу – это же мои дети. Может быть, я мог бы давать им и больше, но в силу своей занятости, наверное, больше перепадет все-таки Сашке маленькой. Потому что в те моменты, когда мы вместе, она все время со мной, она возле меня, она от меня подпитывается, я от нее подпитываюсь. И, наверное, то вдохновение и те счастливые мгновения, которые я могу испытать в общении с ней, они несравнимы ни с каким другим общением. Старшим детям повезло в этом смысле, наверное, меньше, но я для них остаюсь каким-то человеком, к которому можно прийти и посоветоваться. И я надеюсь, что правильно советую.

Если была бы возможность, например, откорректировать год, период, день, час в жизни, изменить что-то или вырезать, что бы вы изменили?

Да нет, это жизнь со своими всеми минусами и плюсами, да. Но менять ничего не надо. Наверное... Даже те глобальные конфликты, которые я переживал, – скажем, когда на меня обрушилась очень неприятная история, о которой я упомянул, – наверное, и это надо пройти для того, чтобы понять, кто рядом с тобой, кто ты сам на эту минуту, что ты собой представляешь – выдержишь, не выдержишь.

Вам сны снятся?

Мне снятся сны.

Концерт с Фабиан, который будет, уже приснился?

Ну, так, я его вижу потихонечку. И потом, мы с режиссером Аланом Бадоевым сняли целый фильм. Он в монтаже сейчас. У Бадоева, конечно, совершенно свое видение, свой взгляд. Мы, наверное, с Ларой ближе в творческом видении. Но нами найдена точка, когда это все окажется в плюс. У него совершенно другое видение жизни, мира, творчества. Он любит кровь, насилие... Он любит сумасшедшую графику. В первом сценарии клипа для Хворостовского он предложил вообще, чтобы там мужик рожал. Я чуть не сошел с ума. Но это его видение. И на первый взгляд совершенно другая планета, но все вместе это вдруг заиграло. ②

Фото: Лиза Шарикова
Идея и стиль: Fresh Art